

62 1718

Напечатано по постановлению Пленарного заседания Собора 20-VIII-1938 г.

801-93

7510-8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ДЕНКИНА

Руб - 6248

О ДУХОВНОМЪ СОСТОЯНІИ РУССКАГО НАРОДА ПОДЪ ВЛАСТЮ БЕЗБОЖНИКОВЪ.

(Докладъ Собору Православной Русской Зарубежной Церкви съ участіемъ клира и мірянъ 7/20 августа 1938 года.)

Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшіе архипастыри и отцы, дорогіе сопастыри и возлюбленные братія.

Съ чувствомъ глубокаго волненія я выступаю передъ этимъ высокимъ собраніемъ въ нынѣшней день. Думалъ ли я нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пройдя въ теченіе шести лѣтъ непосредственный надзоръ чеки, что Богъ судитъ мнѣ когда-нибудь быть здѣсь и свидѣтельствовать о страданіяхъ Россіи изъ моего опыта. Я чувствую устремленные на меня взоры не только ваши, но и взоры братіи и отцовъ нашихъ изъ страдающей Россіи, которые говорили по поводу моего ухода за границу — „пусть расскажетъ тамъ, что видѣлъ“. И вотъ этотъ часъ пришелъ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы Господь благословилъ его. Сожалѣю, что не могу представить изъ этого грандіознаго опыта многого, но рассказываю такъ немного, схематически и только въ плоскости непосредственнаго интереса Собора.

Семь лѣтъ тому назадъ, 25 марта 1930 года, въ день Благовѣщенія, я перешелъ границу изъ Россіи въ Персію. Срукъ этотъ достаточной большой, чтобы можно было въ нынѣшній день, безъ риска быть слишкомъ запоздалымъ и неточнымъ, свидѣтельствовать о духовомъ состояніи Россіи на основаніи личныхъ наблюденій. Однако, рассказы позднѣйшихъ свидѣтелей не сдѣлали въ моихъ воспоминаніяхъ существенныхъ поправокъ потому, что, какъ вы и сами можете заключить, подсовѣтская жизнь съ тѣхъ поръ по существу

не изжились, и основные линии прежней жизни только теперь углубились и расширились. Если прежде народ наш шёл грѣхъ, пороки, паденія, страданія, добродѣтели, побѣды духа, надежды, ожидания, то къ концу характеристикамъ вѣхъ состояній духа нашего народа можно сдѣлать поправки развѣ только на усиленіе: на ухудшеніе въ однихъ случаяхъ, на возвышеніе и улучшеніе въ другихъ, но выводы сдѣлаемъ одни и тѣ же.

Въ 1922 году, извѣстный іеромонахъ о. Алексѣй, въ Засимовской пустыни, говорилъ мнѣ, разсуждая о молодомъ поколѣніи: „что же будетъ черезъ десять лѣтъ, вѣдь мы будемъ окружены звѣрями“. Отчасти онъ былъ правъ. Полузвѣрей этихъ я уже увидѣлъ. Надо полагать, что и звѣря уже есть. Въ совѣтской Россіи я читалъ статью Луначарскаго, въ которой онъ съ удивленіемъ и одобреніемъ говорилъ о новой молодежи, наблюдаемой имъ въ школахъ: у нея нѣтъ никакихъ, такъ называемыхъ, проклятыхъ трагическихъ вопросовъ, съ которыми мы, старое поколѣніе, носились. Неужели человѣческую природу можно такъ исказить и лишитъ ее духовныхъ запросовъ? Нѣтъ, ошибся Луначарскій. Я свои опыты повѣряю заграничій. За 37 годъ предо мною вырѣзки изъ газетъ съ сообщеніями совѣтской печати о настроеніяхъ въ комсомолѣ. Послѣдователи нѣкогого комсомольца Вайшла, утверждая необходимость религіи и загробной жизни, говорили „отъ могилы никакой коммунизмъ не избавитъ“ (Ц. В. 583. 12 Д. 37) Комсомолка Женя, на вопросъ — зачѣмъ она читаетъ Евангеліе, отвѣчаетъ: „вѣдь, чѣмъ-то жить надо“. Ученикъ совѣтской школы Миша Корниловъ свидѣтельствуетъ: „Евангеліе — лучшая наука въ свѣтѣ“ (П. Н. 5992, 5893). Такимъ образомъ, „проклятые, трагическіе вопросы“ остались для совѣтской молодежи и нынѣшняго дня и никогда, ничѣмъ ихъ совершенно убить нельзя. Поэтому, возвращаясь къ моимъ наблюденіямъ, я спокоенъ за ихъ правду и для нынѣшняго дня.

Въ зырянской ссылкѣ, при перемѣщеніи меня изъ Усть-Сысольска въ дер. Межадоръ въ началѣ 1925 года, на пароходѣ у меня завязался диспутъ съ коммунистомъ. Диспутъ кончился тѣмъ, что молодой инженеръ, нашъ спутникъ, сказалъ моему собесѣднику: „вамъ, товарищъ, трудно спорить со священникомъ, это дѣло — не по вашему развитію, вамъ надо еще много учиться“. Коммунистъ былъ очень смущенъ результатомъ бесѣды. Группа комсомольцевъ, заводскихъ рабочихъ, все время ходила глубокое молчаніе, но когда сходила на своей пристани, то поспраивалась со мною и съ моими двумя духовными спутниками. Мы почувствовали свое положеніе и свою силу въ сердцахъ этихъ молодыхъ людей, на уста которыхъ наложена насидѣвшая печать молчанія. Комму-

нистъ, начиненный невѣжественной, злобно-клеветнической въ отношеніи религіи литературой и пропагандой, есть, по большей части, только заблудшая овца и самъ совершенно не въ состояніи избѣжать все тѣхъ же вѣчныхъ запросовъ человѣческаго духа.

Въ бытность мою въ Усть-Сысольскѣ умиралъ тамъ отъ чахотки юноша-комсомолецъ. Родные очень хотѣли его причастить, какъ и онъ самъ этого хотѣлъ, но всѣ боялись его брата — коммуниста. Наконецъ, пріѣхалъ братъ и на просьбу объ этомъ онъ отвѣтилъ такъ: „причастись, братецъ; если ты умрешь, будетъ скучно дома и грустно думать, что тебя нѣтъ совсѣмъ; вѣдь причащаются, говорятъ, для жизни вѣчной, вотъ мы и будемъ думать, что ты живъ“. Юношу исповѣдывалъ, причастилъ и тайно отпѣвалъ священникъ. Душу его принялъ Богъ, а тѣло торжественно хоронили комсомольцы. Какъ видимъ, человѣкъ невѣрующій, далеко ставшій отъ религіи и, можетъ быть, искренно ее отвергшій, вдругъ столкнулся съ потерей любимаго существа и съ вопросомъ о смыслѣ жизни и немедленно прибѣгъ къ помощи религіи и въ ней нашелъ разрѣшеніе вопроса и возможное для своей души облегченіе и утѣшеніе, при чемъ съ такой новизной и свѣжестью сознанія, котораго не каждый христіанинъ достигаетъ.

Въ началѣ моего пребыванія въ Кемскомъ лагерѣ, въ моментъ зимняго закрытія навигаціи, пришелъ изъ Соловковъ послѣдній пароходъ. Его сильно затирало льдами, такъ что онъ весь трещалъ и съ трудомъ добрался до нашей пристани. Пріѣхавшій на немъ одинъ священникъ разсказывалъ мнѣ, какъ спрятавшись по угламъ, коммунисты и чекисты крестились и молились о своемъ спасеніи, и не мало этимъ веселили и смѣшили его.

Еще раньше, въ первый день моего заключенія, на допросѣ у слѣдователя въ центральномъ московскомъ ГПУ, мнѣ еще разъ пришлось испытать неискоренимость высшихъ духовныхъ запросовъ человѣческихъ и бесплодность большевицкой борьбы съ ними. Слѣдователь мнѣ сказалъ, между прочимъ: „если бы вы знали, какой вы вредъ причиняете народу религіей, то вы ею никогда бы не занимались“. Я отвѣтилъ, что именно потому, что я знаю, что приношу пользу религіей себѣ и людямъ, я ею и занимаюсь. На вопросъ — какая польза отъ религіи, — я сказалъ: „если вы придете домой и узнаете, что ваша жена раздавлена автомобилемъ, то ужасъ и бессмысленность этого событія васъ убьетъ духовно, вамъ покажется бессмысленной и всякая любовь, и привязанность, и вашъ разумъ, и ваша жизнь. Ну, а мы, вѣрующіе, знаемъ, что есть на все воля Божія и разумъ и промыселъ Божій, что любовь любима и не напрасна, ибо жизнь вѣчная есть“. Мой слѣдова-

тель вздрогнул и разволновался. Онъ пытался и не могъ возражать. На другомъ допросѣ, уже въ тюрьмѣ, онъ мнѣ однажды тихо сказалъ — „я самъ вѣрующій“, и былъ весьма снисходителенъ и далъ заключение о моемъ дѣлѣ такое мягкое, что ему совершенно не соответствовало жестокое опредѣленіе ГПУ, давшаго мнѣ три года соловецкаго лагеря. Потомъ я узналъ, что мой слѣдователь имѣлъ молодую жену и очень ее любилъ, и мой примѣръ въ разговорѣ съ нимъ видимо билъ слишкомъ въ цѣль.

Богъ далъ мнѣ счастье принять покаяніе двухъ чекистовъ: одного въ Москвѣ, еще до моего заключенія, другого уже въ Соловкахъ. Причащая на дому одного старика въ своемъ приходѣ въ Москвѣ, я увидѣлъ его сына молодого человѣка, который таялъ отъ чахотки, и несмотря на просьбы отца, а затѣмъ мои, отказывался поговѣть. Уединившись съ нимъ, я выяснилъ, что молодой человѣкъ вѣритъ въ Бога, но не вѣритъ въ возможность прощенія себѣ грѣховъ, ибо онъ убилъ въ разныхъ карательныхъ большевицкихъ экспедиціяхъ человѣкъ четыреста, по его подсчету. Всѣ имъ убитые часто воскресаютъ въ его вѣдѣніи и его совѣсть не находитъ покоя. Мира совѣсти и прощенія такихъ грѣховъ онъ уже не допускаетъ. Такъ какъ самъ человѣкъ не принорился покаянія и не исклъ прощенія грѣховъ, то объ эпитиміяхъ за такой грѣхъ нельзя было и помышлять сейчасъ и надо было склонять къ исповѣди и св. причастию, убѣждая въ милосердіи Божіемъ и надѣясь на дальнѣйшее дѣйствіе благодати Божіей въ сердцѣ этого человѣка. Примѣромъ покаившагося разбойника я умолилъ его принять исповѣдь и св. гайны. Въ мирѣ духовномъ ушелъ онъ въ больницу, гдѣ вспоминалъ меня и призвалъ до самой своей смерти.

Другой чекистъ, сексуальный сотрудникъ ГПУ, занимавшійся слѣжкой надъ служащими финансовыхъ учреждений, въ Соловкахъ былъ нашимъ конвоиромъ надсмотрщикомъ на рыболовной тонѣ, гдѣ я съ другими заключенными несъ принудительный трудъ. Въ сѣтевязальчой мастерской онъ слушалъ ниша духовные разговоры, вступалъ со мной въ споры и наконецъ по благодати Божіей, тайно отъ глазъ товарищей, принялъ отъ меня исповѣдь и св. причастию.

Примѣры эти очень радостны. Душа есть и образъ Божій въ ней оказывается неуничтожимымъ даже у этихъ полувѣррей полудушей, называемыхъ чекистами. Въ силу этого богоборное, злодѣйственное дѣло большевиковъ строится на песокъ и при малѣишемъ даже дуновеніи тихаго вѣтра благодати Божіей немедленно рушится. Конечно, наибольшее количество преступленій и глубочайшую порчу можно производить надъ дѣтскими душами. Но и здѣсь часто испорченное

дѣтское сердце таетъ, какъ воскъ отъ лица „огня любви Божіей“.

Однажды въ Соловкахъ, у дверей кладбищенской церкви, оставленной для вольнонаемныхъ монаховъ рабочихъ, обслуживавшихъ нѣсколько мастерскихъ Соловецкаго лагеря, меня встрѣтилъ мальчикъ-малютка лѣтъ шести, ребенокъ какого-нибудь административнаго лица. „Монахъ, куда идешь... Бога нѣтъ, молиться не надо... это обманъ“, — пролетѣлъ онъ, глядя на меня исподлобья, съ необыкновенной смѣлостью для его возраста. Я былъ пораженъ. Наклонившись къ нему, я сказалъ: „милый мальчикъ, кто это тебя научилъ такъ говорить, какъ нехорошо... и Богъ есть и молиться надо... откуда ты это взялъ“... Мальчикъ смутился, покраснѣлъ, всѣ злыя складки его личика пропали. Что могло отвѣтить такое маленькое существо. Онъ молчалъ. Я его погладилъ по головкѣ. Для него улыбка моя — такая же, какъ и у всѣхъ людей: не было ничего страшнаго, что, вѣроятно, рисовали ему родители.

Но, конечно, развращающее вліяніе совѣтской школы и совѣтскаго быта сказывается на дѣтяхъ съ исключительной силой. По дорогѣ изъ Соловковъ въ ссылку, на одномъ изъ этаповъ мы остановились въ глухомъ зырянскомъ селѣ. Въ крестьянской избѣ насъ очень заинтересовалъ весьма развитой, умный мальчикъ семи лѣтъ, пришедшій посмотреть на насъ, ссыльныхъ, сопровождаемыхъ вооруженной стражей. Когда мальчикъ вышелъ, хозяйка насъ предупредила, чтобы мы были съ нимъ поосторожнѣе: мальчикъ получаетъ отъ мѣстнаго милиціонера пятакъ и доноситъ ему все, что на селѣ говорится и дѣлается. И для насъ это было важно, потому что наши стражи часто оставляли насъ однихъ, довѣряя намъ, и мы могли что-нибудь сказать и антисовѣтское. Какъ правило, учителя въ сельскихъ школахъ требуютъ отъ дѣтей доноса на своихъ родителей, если послѣдніе не выполняютъ какихъ-нибудь заданій власти. Дѣти обязуются слѣдить за родителями въ веденіи ими хозяйства по совѣтскому плану. Но родители опасаются своихъ дѣтей уже и въ разговорахъ. Я жилъ на квартирѣ въ очень хорошей зырянской семьѣ, гдѣ весьма хорошаго мальчика Андрюшу родители все-таки боялись, и по вопросамъ политическимъ всегда разговаривали со мною наединѣ. Во многихъ случаяхъ вліяніе семьи бываетъ и сильнѣе школьнаго, да и дѣти иногда проявляютъ самостоятельность своихъ ума и сердца и протестуютъ вдругъ противъ совѣтской системы. Сынъ одного изъ членовъ моего приходскаго совѣта въ Москвѣ задалъ въ школѣ учительницѣ вопросъ о судьбѣ Царскихъ дѣтей. Учительница пространно объяснила дѣтямъ, что дѣти Царя принесли бы много зла и потому ихъ убили вмѣстѣ съ Родителями. Въ классѣ поднялся шумъ. Дѣти единогласно протестовали съ чувствомъ возму-

щения: «это такъ можно и насъ убивать за родителей... дѣти непричемъ, онѣ не виноваты... ихъ убивать нельзя было... это несправедливость»... На другой день учительница позвала родителей мальчика, поднявшаго такой вопросъ въ классѣ, и пригрозила имъ, что если еще разъ повторится такое выступление его, то достанется и имъ.

Мнѣ приходилось исповѣдывать и причащать дѣтей, взятыхъ родителями на короткое время изъ приютовъ. Я никогда не испытывалъ болѣе высокаго утѣшенія, чѣмъ видѣть и слышать этихъ дѣтей. Но я успѣлъ увидѣть слишкомъ немногихъ. Дѣтскіе же дома и приюты, раскроютъ намъ въ будущемъ, Богъ дастъ, самую трогательную исторію вѣры и исповѣдничества юныхъ христіанъ, совершенно неслыханную и нынѣ никому еще неизвѣстную, кромѣ подсовѣтскихъ христіанъ. Тайная молитва вечеромъ, укрывшись съ головой въ одѣяло и цѣлованіе креста или иконочки, запрятанныхъ отъ всѣхъ глазъ; рискованные побѣги изъ приюта въ ближайшую церковь; жестокія, разнообразныя репрессіи за обнаруженіе вѣры и молитвы; ежедневное слушаніе издѣвательствъ надъ религіей и прохожденіе антирелигіозной пропаганды и все же съ сохраненіемъ своей вѣры и какихъ-то смутныхъ дѣтскихъ убѣжденій. Вотъ о чемъ будетъ рассказывать эта исторія.

Но, безусловно, и разлагающее вліяніе школы весьма сильно. По болѣе части родители не въ состояніи бываютъ защитить стараго режима и даже своей вѣры отъ нападковъ своихъ дѣтей. Учебники переполнены рассказами объ ужасахъ стараго режима. Дѣти учатъ стихи о 9-мъ января и о ленскихъ расстрѣлахъ, приводятъ родителямъ эти факты и не желаютъ слушать оправданій прошлаго. Сравнить съ настоящимъ они не умѣютъ, да и для родителей это рискованно, а завѣдомую правду печальныхъ фактовъ прошлаго и они ясно чувствуютъ. Но, конечно, и при такой пропагандѣ въ школахъ и на улицахъ, возросшіе ребята не могутъ не узнать о благахъ былой жизни. Въ сосѣдней комнатѣ, однажды, при мнѣ, такіе юноши спрашивали столяра-старика: «расскажи, дѣдъ, про старую жизнь». И дѣдъ рассказывалъ про базары и ярмарки, про изобиліе плодовъ земныхъ у нихъ же на селѣ. И ребята вздыхали; «Эхъ, если-бы и намъ такой жизни повидать». Многія сны и вѣнія у нихъ сами собой являются. Я самъ слышалъ, какъ молодежь утверждала въ деревенской избѣ, что осталось одно и тоже: прежде урядникъ, а теперь коммунистъ, тогда ротъ зажимали, а теперь еще больше и т. п. Въ Соловки съ нами ѣхалъ въ качествѣ заключеннаго молодой красноарміецъ, только что окончившій службу. Его дѣла заключалась въ томъ, что на урокахъ политрука онъ задавалъ вопросы: сколько стоилъ сахаръ при царскомъ режимѣ, а теперь сколько, а также мука и хлѣбъ и всѣ засушныя блага.

Цифры являлись разительными для всей роты и всѣ единогласно спрашивали: чѣмъ же царскій режимъ хуже новаго. Но, безусловно, такого рода самостоятельность мышленія — явленіе рѣдкое. Всѣ говорятъ и поютъ на разные лады напѣтое пропагандой и ежедневными газетами, которымъ иногда начинаютъ вѣрить всерьезъ, но, конечно, до ближайшаго явнаго разочарованія. Я самъ слышалъ, какъ два пожилыхъ желѣзнодорожника, съ газетой въ рукахъ, искренно удивлялись: подумать только уже перегнали Америку.

Надо твердо помнить, что люди сорока лѣтняго возраста уже почти не знаютъ старой Россіи. Они всосались въ новый совѣтскій бытъ, впитали его въ себя и о былой Россіи у нихъ уже смутныя представленія. Если же учесть общую неинтеллигентность этого состава населенія, лѣсть власти, ублажающей хотя бы словесно пролетарія и манящей возможностью какой-то карьеры и возвышенія по ступенямъ общественной лѣстницы, то мы представимъ себѣ сѣрую массу людей, денационализированную, оторванную отъ своего прошлаго и отформованную по совѣтски въ обезличенности, трафаретности взглядовъ и понятій, въ ходульной увлеченности интересами производства, которое никому никакихъ выгодъ не даетъ. Сѣрая по одеждѣ и по душѣ, скучная масса глубоко несчастныхъ русскихъ людей.

Въ мирѣ ли эта чисто совѣтская масса со всей совѣтской системой? Вотъ вопросъ первостепенной важности и главнѣйшаго интереса эмиграціи. При наблюденіи всей инертности этой массы, ея исключительной обработанности въ совѣтскихъ условіяхъ мы можемъ категорически заявить — нѣтъ, не въ мирѣ. Слишкомъ партійная диктатура умѣетъ раздражать эти свои массы произволомъ, случайностями и капризами своихъ мѣропріятій, въ которыхъ ни одинъ человекъ неувѣренъ въ одномъ днѣ своей жизни и безконечнымъ грабежомъ его жалкаго, ничтожнаго заработка. Всѣмъ извѣстны эти принудительные займы и вычеты изъ жалованья. Кассиръ, раздатчикъ жалованья рабочимъ большого желѣзнодорожнаго узла, рассказывалъ мнѣ съ какимъ трепетомъ раздраженія и ненависти рабочіе получаютъ каждый мѣсяцъ свое жалованье, когда, помимо уже сдѣланныхъ ужасныхъ вычетовъ, у кассы представители всякихъ организацій требуютъ еще новыхъ жертвъ. Рабочіе иногда не въ состояніи бываютъ сдерживать своего бѣшенства и, хватая жалованье, съ ругательствами убѣгаютъ. Подземный слой совѣтской власти бурлитъ часто силами ненависти, но все же не эти анти-совѣтскія силы духа преобладаютъ въ немъ: — есть другія, такъ свойственныя русскому народу, можетъ быть болѣе пасивныя, но и болѣе глубокія и значительныя. Во время моего семимѣсячнаго пребыванія на нелегальномъ положеніи, между

побѣгомъ изъ ссылки и переходомъ черезъ границу, я наблюдалъ въ деревнѣ процессъ коллективизаціи. Не было такой хаты, гдѣ бы не лились слезы. Скорбь была всеобщая, тяжкая безысходная. Мракъ спустился на души безъ единого просвѣта. Это было глубокое переживание несчастья, безъ единого поиска его виновниковъ, безъ ропота на кого-то. Если кто-то убилъ вашего близкаго человѣка, наврядъ-ли вы будете помышлять объ убійцѣ, вы будете всецѣло заняты скорбью объ убитомъ, погрузившись въ своемъ непоправимомъ уже горѣ. Одинъ мой высоко-культурный духовный другъ, въ свѣтскомъ званіи, сказалъ мнѣ: „какъ неизмѣримо высокъ и великъ нашъ русскій народъ: переживая эти ужасныя на-силія, онъ думаетъ только о несчастьи своемъ, о томъ, какъ же жить дальше, какъ завтра кормить своихъ дѣтей, никого не ненавидитъ и не ищетъ враговъ своихъ“. Понять эту психологию и признать правильность этой характеристики я могъ уже не такъ давно, здѣсь за границей. Я встрѣтилъ только-что прибывшую изъ Россіи простую женщину и спросилъ ее о Россіи и о томъ, что тамъ дѣлается. „Вы сами все знаете, — отвѣтила она, — тамъ никто не понимаетъ, кто управляетъ и кому все это нужно“. Я считаю это опредѣленіе отношенія народа къ совѣтской власти и къ ея системѣ классическимъ. Народъ всегда знаетъ, что ему нужно, сознаетъ свои ближайшіе интересы и имъ служить и ему казалось, что и власть идетъ навстрѣчу этимъ интересамъ, и власть и народъ стоятъ всегда на реальной почвѣ. Но кому нужно систематическое разрушеніе хозяйства, всеобщій развалъ и всеобщая нищета — это совершенно непостижимо для народа. Непонятно и кто управляетъ. Мѣстные коммунисты выполняютъ задания сверху, верхи — безличный совѣтъ, который утверждаетъ, что все это онъ же, народъ, желаетъ и постановляетъ и все дѣлается по волю самого народа, никто не отвѣтствененъ за разруху, но вся разруха систематически сваливается то на однихъ, то на другихъ вредителей. Кто-же управляетъ и кто виноватъ во всемъ этомъ? Народъ не можетъ допустить, что можно несерьезно управлять и во имя теоріи кучка безответственныхъ негодяевъ можетъ ввергнуть цѣлую страну миллионновъ людей въ бездну несчастій, разрушая все его благосостояніе. И такъ, народъ въ массѣ своей не ищетъ своихъ враговъ и не понимаетъ ихъ, не живетъ чувствомъ ненависти, но успѣваетъ переживать только свое глубокое несчастье, тяжесть большого горя, упавшаго на его плечи.

Я ѣхалъ на повозкѣ коллективизированнаго крестьянина, который мнѣ говорилъ: „сегодня, вотъ, лошадь моя, а завтра — не моя, чтобы ѣхать куда, надо спросить у предсѣдателя разрѣшенія на свою лошадь“. „Зачѣтъ, жаль терять свое

добро?“ — спросилъ я. „Ясное дѣло, жаль“. „Такъ вотъ теперь вы, можете быть, и помѣщика поймете, — продолжалъ я. — ему было жаль двѣ тысячи десятинъ, а вамъ жаль двѣ, не все-ли равно сколько“. „Уже поняли, — отвѣтилъ крестьянинъ, — Богъ покаралъ за чужое добро: думали: все наше, а теперь все свое добро теряемъ, потомъ и кровью нажитое“...

Большевики утверждаютъ, что у крупной и мелкой буржуазіи психологія одна, но нужно было какъ-то обмануть крестьянъ и повести ихъ за собою въ борьбѣ съ крупными собственниками, а теперь обманъ раскрылся для крестьянъ, настало время уничтоженія ихъ мелкой собственности. Крестьяне надѣялись видѣть въ большевикахъ свою власть и только во дни коллективизаціи, наконецъ, распознали, что это ихъ заклятые враги. Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что нужно было 10—15 и 20 лѣтъ, какъ мы видимъ, чтобы крестьянская Россія развѣчала свою власть окончательно и безповоротно и въ коллективизаціи на опытѣ узнала ея программу и задачи. Такъ что удайся бѣлое движеніе въ свое время, революціонное движеніе крестьянъ не утихло бы и крестьянинъ все еще вспоминалъ бы свою власть, мужицкую, рабоче-крестьянскую, какъ онъ думалъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что нами управляетъ дивный Промыселъ Божій: и бѣлое движеніе нужно было, потому что оно создало борцовъ противъ большевизма и скрѣпило ихъ навсегда между собою, но и побѣда его не нужна еще была — была еще несвоевременна. Такова премудрая воля Божія, которой мы должны покориться съ совершеннымъ довѣріемъ и ждать новыхъ ея указаній.

Въ дни коллективизаціи мнѣ приходилось наблюдать настроенія полного христіанскаго самопожертвованія. Ко мнѣ приходили люди спрашивать: можно-ли идти въ колхозъ съ христіанской точки зрѣнія, если нельзя, то они не побоятся ни тюрьмы, ни самой смерти. Я глубоко былъ пораженъ силой такой вѣры и высотой духовнаго развитія, котораго достигли русскіе люди. Мнѣ пришлось сказать, что и въ колхозѣ нельзя измѣнять своей вѣрѣ, нельзя снимать иконъ, въ своихъ избахъ своими руками, нельзя бросать церковъ, но отказавшись отъ колхоза по хозяйственнымъ соображеніямъ, пострадаешь именно за это, а не за вѣру. Власть можетъ взять все, что хочетъ, но только душу и вѣру свою ей не отдавайте. Однако, не стѣснялъ я совѣсти и тѣхъ, кто рѣшилъ въ колхозъ не идти изъ боязни непосильнаго рабства.

На ряду съ примѣрами такого христіанскаго мужества много, слишкомъ много отступничества. Причины ему, — съ одной стороны трусость и малодушіе предъ терроромъ, а съ другой — сила антирелигіозной пропаганды и соблазны міра. И за трусость и малодушіе очень трудно осудить. Много

было любви у ап. Петра къ Спасителю, но въ часъ испытанія онъ тяжко палъ. Этотъ вѣчный примѣръ стоитъ у меня въ памяти во множествѣ новыхъ иллюстрацій. Кто въ духовномъ мѣрѣ не знаетъ нынѣ покойнаго Митрополита Арсенія Стадницкаго. Широкий умъ, большое образованіе, могучая воля, честность и прямота, очень твердый, рѣшительный, непреклонный характеръ, строгость къ подчиненнымъ и себѣ. И сей славный и великій мужъ, митрополитъ новгородскій, членъ Синода и государственныхъ Думы и Совѣта, мнѣ, маленькому неизвѣстному священнику, чистосердечно разсказалъ въ Бутырской московской тюрьмѣ, гдѣ Господь насъ соединилъ не на долгій срокъ, какія чувства малодушія и трусости онъ вдругъ пережилъ, во внутренней тюрьмѣ ГПУ въ ожиданіи расстрѣла. „Я уже старикъ, — говорилъ онъ, — ждать впереди нечего, я монахъ отъ юности, наконецъ архіерей, примѣръ и образецъ христіанства и христіанскаго мужества, и вотъ никакъ не могу собой овладѣть. Такая жажда жизни, такое нежеланіе умереть, такая тоска и борьба съ собой и страхъ смерти и малодушіе, что просто ужасъ. Борюсь и не могу себя побѣдить. Такое банкротство и такая грусть за себя“. Этотъ великій мужъ потомъ изъ туркестанской ссылки безбоязненно писалъ Митрополиту Сергію свой протестъ противъ его соглашенія съ богоборными властями и отрицалъ всякую возможность компромисса съ ними. Въ Туркестанѣ онъ и скончался. Скажу и о себѣ. На третьемъ мѣсяцѣ пребыванія въ бутырской тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ, и у меня наступилъ духовный кризисъ. Слѣдствіе затягивалось и могло закончиться самымъ печальнымъ результатомъ, ибо статья обвиненія грозила мнѣ отъ трехъ лѣтъ заключенія до смертной казни. Первоначальная бодрость пропадала, вывѣтривалась, очень тянуло на свободу, охватывала нестерпимая жалость къ близкимъ и милымъ роднымъ. Сердце дѣлалось готовымъ на все, чтобы только спастись отъ узъ. Ядъ малодушія отравлялъ все существо. Умъ тысячи разъ проходилъ особый голгофскій путь, путь къ смерти, по этимъ такъ знакомымъ корридорамъ ГПУ, среди холодныхъ давящихъ стѣнъ и неумолимо жестокихъ, безсердечныхъ, какъ эти стѣны, людей, отъ которыхъ никакими силами вырваться нельзя. Но вотъ вызываютъ на допросъ, первые же вопросы слѣдователя вызываютъ въ сердцѣ упорство, бодрость, слово независимости и правды. Все снова говоришь звѣдомо себѣ во вредъ и когда допросъ кончается, то чувствуешь снова, что самъ выкопалъ себѣ яму и ухудшилъ свое положеніе. И снова малодушіе. И только въ эти часы снисходило въ душу сознание, что исповѣданчество есть только даръ свыше и себѣ самому ты ничѣмъ не обязанъ. И снисходило глубокое сочувствіе всѣмъ павшимъ и ихъ пониманіе и имъ прощеніе. И

благоваришь Бога за Его великую милость, что стоишь и что не измѣнилъ истинѣ.

Въ этомъ горнилѣ испытаній и произошла переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Очень высокіе, выдающіеся, талантливые, отъ которыхъ многое ожидалось и которые много могли дать въ этой борьбѣ съ безбожіемъ, ужасно падали и роняли свой престижъ и вредили Церкви. Совсѣмъ незамѣтные и подчасъ даже очень нерадивые въ обычное время пастыри и миряне вдругъ возставали въ силѣ и были истинными героями и защитниками Церкви. Первоначально очень бросалось въ глаза паденіе только пастырей, духовенства и епископовъ. Обновленческій церковный расколъ, созданный и взятый подъ покровительство совѣтской властью, и былъ камнемъ преткновенія и паденія многихъ. Не желая сидѣть въ тюрьмѣ, шли въ этотъ расколъ. Обновленчество и явилось пристанищемъ трусовъ и малодушныхъ и символомъ позора и предательства церковнаго. Его искренно повсюду возненавидѣли. Но дошла очередь до церковнаго народа, до мірянъ. И они подвернулись испытанію. Вѣрующіе стали преслѣдовать на заводахъ и фабрикахъ, сокращать въ первую очередь, издѣваться надъ ними систематически и послѣдовательно въ печати и общественнымъ мнѣніемъ, лишая возможности ходить въ церковь въ большіе праздники, устройствомъ ударниковъ и собраній въ часы службъ церковныхъ и т.п. Все это вмѣстѣ дало свои печальные результаты. Въ дер. Межадорѣ, гдѣ я проживалъ свою ссылку, за годъ было 23 свадьбы и изъ нихъ только четыре вѣчались въ церкви. То же совершилось и въ большіяхъ городахъ и въ столицахъ. Особенно не въ почете вѣчаніе. Причина тому не только паденіе религіозности, а главное — уже создавшееся новое общественное мнѣніе, которое позоритъ и клеймитъ всякаго, кто прибѣгаетъ къ Церкви за таинствами и обрядами. Люди стали бояться насмѣшки. Работники и работницы заводовъ моего района въ Москвѣ спрашивали у меня разрѣшенія не креститься передъ началомъ работъ, ибо многіе слѣдятъ за ними и раздражаются хохотомъ, какъ только вѣрующій, ставъ у станка, перекрестится. Я рекомендовалъ въ этомъ случаѣ еще разъ перекреститься. Хорошій чтець и пѣвецъ на клиросѣ, человекъ изъ народа, призывается въ ГПУ и тамъ ему грозятъ за участіе въ службахъ церковныхъ. И онъ бросаетъ ихъ, замолкаетъ. Такого клиросъ потерялъ въ томъ храмѣ, который я особенно часто посѣщалъ.

Увеселенія подъ большіе праздники въ часы службъ церковныхъ, къ сожалѣнію стали собирать больше народу, чѣмъ церковь. Большія массы народа стали охлаждать къ церкви. Церковные расколы, устраиваемые ГПУ игрою то на однихъ, то на другихъ малодушныхъ епископахъ и духов-

нытъ лицахъ, произвели тяжелое впечатлѣніе на многихъ и поколебали и такъ шаткую вѣру. Упадокъ духа произошелъ и медленіемъ помощи Божіей. Безбожники безбоязненно кощунствуютъ, утверждая, что Богъ ихъ не наказываетъ потому, что Его и нѣтъ, а маловѣрные скорбятъ надъ вопросомъ — почему Богъ, видя такое поруганіе святынь, не оставяетъ этого злодѣянія. Долго ждать у многихъ не хватаетъ силъ, атрофируется чувство любви къ Церкви и къ Богу. Мнѣ приходилось говорить упавшимъ духомъ, чтобы помнили самого Спасителя: если Самъ Богъ терпѣливо перенесъ до конца Свое поруганіе, то почему же Онъ не долженъ перенести новаго поруганія Своихъ святынь на землѣ и долженъ теперь встать за это. Богъ ищетъ прощенія и спасенія, а не мщенія, а вы ищете немедленнаго мщенія.

Весь совѣтскій бытъ наноситъ удары вѣрѣ, не оставляя ей ни времени, ни мѣста, исключая ее самыми условіями жизни: въ колхозахъ распорядками, уничтоженіемъ воскреснаго дня, упраздненіемъ храмовъ. Измѣна вѣрѣ бываетъ и недобровольная и добровольная. Терроръ, насиліе быта и недобровольность измѣны вѣрѣ въ немъ очевидны и вызываютъ снисхожденіе, но и добровольной измѣнѣ представляется такая сила соблазна, что не всегда хватаетъ силъ осудить ее. Я помню двухъ сестеръ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя вѣрны были церкви на протяжении всѣхъ лѣтъ своего ученія, подвергаясь насмѣшкѣ всей школы. Стѣнная газета удѣляла имъ фельетоны и карикатуры, подруги и сверстники по школь также не щадили. Моральное насиліе ихъ не побѣдило и можетъ быть не побѣдило-бы и угроза тюрьмой. Но вотъ вдругъ одна выходитъ замужъ за коммуниста, а другая еще того хуже — за чекиста. Съ церковью онѣ отрѣзали моментально. Бѣда приходитъ если не съ одной, такъ съ другой стороны. Но былъ и другой случай, о которомъ мнѣ рассказывали. Дѣвушка отказалась выйти за чекиста по несогласію съ нимъ въ вѣрѣ. Чекистъ же сказалъ, что выйти изъ своего учрежденія онъ уже не можетъ, потому что его разстрѣляютъ, и застрѣлится самъ.

Антирелигіозная литература представляетъ огромный соблазнъ. Нѣтъ такой самой отдаленной деревушки, гдѣ бы въ крестьянской избѣ вы не нашли брошюрку, листовку противъ религіи. И благодаря такой литературѣ колебанія въ вѣрѣ рождаются въ душахъ подчасъ весьма серьезныхъ людей, которые глубоко страдаютъ отъ неразрѣшенности вновь возникшихъ вопросовъ вѣры. Не стоитъ говорить о слабыхъ и легковѣрныхъ, а гнѣтъ болѣе о молодежи, для которой такія идеи являются цѣлымъ откровеніемъ, увлекающимъ ихъ на борьбу со взглядами старшихъ. Эта борьба имъ кажется героическою. Но, конечно, вся эта литература рассчитана только

на религіозное и общее невѣжество массъ и при самой небольшой свободѣ печати для религіозной литературы, отъ антирелигіозной пропаганды мало бы что осталось. Самая же главная порочность и конечная бесплодность этой пропаганды и материалистическаго міровоззрѣнія заключается въ тѣхъ пробѣлахъ, благодаря которымъ они не въ состояніи дать удовлетворенія кореннымъ запросамъ духа человѣческаго, и въ конечномъ счетѣ, рано или поздно, и одурманенные этой пропагандой поищутъ религіознаго міровоззрѣнія. Поэтому сколько-нибудь религіозно развитая душа, утвердившая свою вѣру на твердомъ камнѣ собственнаго религіознаго опыта, привыкшая къ личному общенію съ Богомъ, познающая реальныя результаты этого общенія, не соблазнилась ни антирелигіозной пропагандой даже при своемъ недостаточномъ религіозномъ образованіи и просвѣщеніи, ни насиліемъ и соблазнами безбожной власти и безбожнаго быта, ни малодушіемъ власти духовной и церковными расколами, ни медленіемъ помощи Божіей, которое считаетъ Божимъ долготерпѣніемъ. Эти алмазныя построили домъ своей вѣры на камнѣ, и подули вѣтры, и разлились рѣки, и домъ ихъ устоялъ. И въ наличіи именно неуничтожимой души человѣческой съ ея запросами и въ такихъ именно душахъ-алмазтахъ и заключается залогъ неизбежнаго пораженія большевицкой власти. Обратимъ вниманіе на одинъ поразительнѣйшій фактъ нашей исторіи: еще никогда и никакая власть въ мірѣ такъ непрестанно не заботилась денно-ночно о мысляхъ, чувствахъ и настроеніяхъ подвластныхъ, такъ не старалась заглянуть въ сокровенныя тайники души человѣческой, не пыталась такъ ими овладѣть, такъ не искала въ душѣ контръ-революціи и такъ жестоко не карала не только за дѣянія, а за однѣ чувства и мысли.

И это понятно, потому что диктаторствуетъ теорія, социалистическая идеологія, которой должно принадлежать безраздѣльное господство надъ душами. Но въ религіи хранится самая величайшая свобода и независимость духа человѣческаго, въ которыхъ онъ въ любой моментъ можетъ объявить свою готовность на самую смерть и ничего не уступить. И только духовно-нравственный фронтъ больше всего тревожитъ большевицкую власть, здѣсь ее пораженія и отсюда ей придетъ гибель, ибо только предъ этимъ врагомъ она безсильна и понынѣ, послѣ многихъ уже лѣтъ борьбы и побѣды надъ всякими врагами. Непосильную задачу взяла на себя власть, желая поработить духъ человѣка. Вспомнимъ татарское иго, которое на горе себѣ имѣло на русской землѣ Церковь, гдѣ ковался и сохранялся духъ русскаго человѣка и питался и воодушевлялся ко дню освобожденія.

И теперь питаніе вѣрующихъ душъ происходитъ, хотя для этого поставлены всѣ препятствія. Есть молитва у каж-

даго, есть еще богослужение кое-где явное, а больше уже тайное, есть религиозная подпольная литература, в рукописях расходящаяся между верующими. Самъ сообщающий это принималъ въ ней участие и думаетъ, что въ сборникахъ такой рукописной литературы онъ бы и сейчасъ нашелъ свои статьи, такъ все это тамъ хранится и распространяется. Поддерживаютъ душу споры и диспуты верующихъ съ неверующими, которые еще происходятъ по домамъ, ибо самые дома и семьи раздѣлились въ себѣ. А въ свое время публичные диспуты давали большую бодрость верующимъ своимъ успѣхомъ для нихъ. И не даромъ большевики не захотѣли больше этого способа пропаганды своего неверья. Наконецъ, самъ Богъ поддерживаетъ своими милостями своихъ избранныхъ дѣтей, подкрѣпляя всячески ихъ веру чудесами и всеми видами спасенія отъ зла.

Въ бытность мою въ Соловецкомъ лагерѣ, одинъ заключенный, несшій свой трудъ на рыболовной тонѣ, очень страдалъ отъ экземы на ногѣ. Онъ горько и давно объ этомъ скорбѣлъ, наконецъ, какъ то зайдя въ храмъ преп. Онуфрія, оставленный на кладбищѣ вольнонаемнымъ монахамъ для богослуженія, онъ увидѣлъ въ немъ гробъ съ почившимъ монахомъ и сказалъ со слезами: Господи, если нынѣ почившій этотъ монахъ Тебѣ угодилъ, то прими хотя его молитвы за меня грѣшнаго и исцѣли меня отъ моей болѣзни". Придя въ свое помѣщеніе рыбацкаго общежитія и желая переменить повязку на ногѣ, онъ открылъ, вдругъ, что никакой экземы у него нѣтъ. Въ величайшемъ восторгѣ онъ открылъ объ этомъ своему сосѣду и товарищу по работѣ, епископу селенгинскому Софронію (нынѣ почившему), а тотъ немедленно сообщилъ по секрету намъ, всемъ духовнымъ, бывшимъ по близости. Хоронили въ тотъ день нашего собрата по заключенію, отца игумена Антонина изъ Московскаго Симоновскаго монастыря. Онъ только что начиналъ свое заключеніе и не могъ его вынести. По слабости его силъ удалось ему устроить легкую работу подметальщика соловецкаго двора. Мнѣ Богъ давалъ радость часто встрѣчаться съ нимъ во дворѣ, сидѣть съ нимъ и бесѣдовать, и наблюдать, какъ онъ таялъ отъ своихъ недуговъ. Несчастнѣйшій старецъ стѣснялъ всѣхъ своихъ сосѣдей по камерѣ своими недугами и обиліемъ вшей и всѣмъ облегченно вздохнули, когда онъ ушелъ въ больницу, гдѣ и отошелъ ко Господу, пройдя добре крестный свой путь.

Всѣ знаютъ и слышали о стихійномъ обновленіи иконъ, крестовъ, куполовъ, и стѣнъ иконостасовъ по всей Россіи. Это великое знаменіе Божіе во время разрушенія святынь и ихъ гибели въ небываломъ масштабѣ является какимъ то явнымъ указаніемъ на грядущее благодатное обновленіе и святынь и самой жизни, несмотря на ихъ такое разрушеніе.

Я самъ былъ свидѣтелемъ этихъ чудесъ: видѣлъ иконостасы цѣлыя, постепенно смѣняющія свою вѣтхость и туманность красокъ на блескъ и сіяніе новизны, видѣлъ потѣніе иконъ въ части вѣтхой и обновленіе вмѣстѣ съ высыханиемъ, то есть самый процессъ обновленія, видѣлъ замурованныя въ стѣнѣ иконы, никогда не открывавшіяся, и за стекломъ испавшую шелуху и пыль, можетъ быть столѣтій, и сіяющіе свѣжестію красокъ лики святыхъ. Такого рода знаменія явились глубокой и прочной поддержкой для верующихъ на ихъ тяжкомъ пути и подкрѣпленіемъ силъ духовныхъ въ часъ испытанія.

Столкновеніе съ завѣдомо антихристовой силой направилъ умъ большихъ верующихъ массъ въ сторону эсхатологии, ожиданія конца міра. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія сдѣланы изумительныя. Съ этимъ теченіемъ ума я очень близко сталкивался и самъ поработалъ. Бесѣды со многими простыми и учеными верующими, наблюденія надъ дѣйствительностью, чтеніе духовной и безбожной литературы довело и меня до сознанія мирового значенія воочию являющейся антихристовой силы. Но я не склонился къ провозвѣсти близкаго конца міра, хотя именно эта идея имѣетъ естественно большое распространеніе въ средѣ верующихъ въ Россіи.

У народа есть всегдашнее ожиданіе скорого паденія власти и надежда, что при первой же войнѣ совѣтская власть падетъ. Есть всегдашнее желаніе и ожиданіе войны, какъ момента освобожденія отъ большевизма. Но въ этомъ народъ все разочаровывается и временами приходитъ въ уныніе и отъ унынія тѣмъ болѣе склоненъ думать о послѣднихъ временахъ. Народъ начинаетъ вѣрить временамъ въ безсиліе всякой борьбы противъ большевиковъ. Въ безсиліи эмиграціи онъ совершенно убѣжденъ и слышитъ глухо, что эмиграція бѣдна и сама кое-какъ живетъ. Церковное общество знало только и высоко ставило авторитетъ покойнаго Блаженнѣйшаго Митрополита Антонія. Изрѣдка сова печать упоминала о немъ со злобой, какъ объ агитаторѣ противъ большевицкой власти за границей. Духовные отцы говорили: — "этотъ не выдастъ" и всегда выражали увѣренность, что церковное управленіе, руководимое вл. Антоніемъ, будетъ идти вернымъ путемъ. Иронію и смѣхъ всего епископата и духовенства поработенной Россіи, безъ всякаго исключенія, вызвали отклики заграничныхъ епископовъ на предложеніе м. Сергія подчиниться ему и оказать лояльность Совѣтской власти. Всѣ поразились тому, что нашлись за границей люди, не понимающіе положенія м. Сергія, не знающіе подъ чью диктовку и какимъ насиліемъ исторгаются отъ него такого рода обращенія. Я видѣлъ большую и самую значительную часть російскаго епи-

даго, есть еще богослужение кое-где явное, а больше уже тайное, есть религиозная подпольная литература, в рукописях расходящаяся между верующими. Самъ сообщающий это принималъ въ ней участие и думаетъ, что въ сборникахъ такой рукописной литературы онъ бы и сейчасъ нашелъ свои статьи, такъ все это тамъ хранится и распространяется. Поддерживаютъ душу споры и диспуты верующихъ съ неверующими, которые еще происходятъ по домамъ, ибо самые дома и семьи раздѣлились въ себѣ. А въ свое время публичные диспуты давали большую бодрость верующимъ своимъ успѣхомъ для нихъ. И не даромъ большевики не захотѣли больше этого способа пропаганды своего неверья. Наконецъ, самъ Богъ поддерживаетъ своими милостями своихъ избранныхъ дѣтей, подкрѣпляя всячески ихъ веру чудесами и всѣми видами спасенія отъ зла.

Въ бытность мою въ Соловецкомъ лагерѣ, одинъ заключенный, несшій свой трудъ на рыболовной тонѣ, очень страдалъ отъ экземы на ногѣ. Онъ горько и давно объ этомъ скорбѣлъ, наконецъ, какъ-то зайдя въ храмъ преп. Оауфрїя, оставленный на кладбищѣ вольнонаемнымъ монахомъ для богослуженія, онъ увидѣлъ въ немъ гробъ съ почившимъ монахомъ и сказалъ со слезами: Господи, если нынѣ почившій этотъ монахъ Тебѣ угодилъ, то прими хотя его молитвы за меня грѣшнаго и исцѣли меня отъ моей болѣзни". Придя въ свое помѣщеніе рыбацкаго общежитія и желая переменить повязку на ногѣ, онъ открылъ, вдругъ, что никакой экземы у него нѣтъ. Въ величайшемъ восторгѣ онъ открылъ объ этомъ своему сосѣду и товарищу по работѣ, епископу селенгинскому Софронію (нынѣ почившему), а тотъ немедленно сообщилъ по секрету намъ, всѣмъ духовнымъ, бывшимъ по близости. Хоронили въ тотъ день нашего собрата по заключенію, отца игумена Антонина изъ Московскаго Симоновскаго монастыря. Онъ только что начиналъ свое заключеніе и не могъ его вынести. По слабости его силъ удалось ему устроить легкую работу подметальщика соловецкаго двора. Мнѣ Богъ давалъ радость часто встрѣчаться съ нимъ во дворѣ, сидѣть съ нимъ и бесѣдовать, и наблюдать, какъ онъ таялъ отъ своихъ недуговъ. Несчастнѣйшій старецъ стѣснялъ всѣхъ своихъ сосѣдей по камерѣ своими недугами и обиліемъ вшей и всѣ облегченно вздохнули, когда онъ ушелъ въ больницу, гдѣ и отошелъ ко Господу, пройдя добре крестный свой путь.

Всѣ знаютъ и слышали о стихійномъ обновленіи иконъ, крестовъ, куполовъ, цѣлыхъ иконостасовъ по всей Россіи. Это великое знаменіе Божіе во время разрушенія святынь и ихъ гибели въ несдыканномъ масштабѣ является какимъ то явнымъ указаніемъ на грядущее благодатное обновленіе и святынь и самой жизни, несмотря на ихъ такое разрушеніе.

Я самъ былъ свидѣтелемъ этихъ чудесъ: видѣлъ иконостасъ цѣлый, постепенно смѣняющій свою вѣтхость и туманность красокъ на блескъ и сияніе нововышедшихъ иконъ, иконъ въ части вѣтхой и обновленіе иконъ съ высыханиемъ, то есть самый процессъ обновления, видѣлъ замурованныя въ стѣнѣ иконы, вѣсегда не отрывавшихся, и за стекломъ висѣвшую шелуху и вѣшь, которая была стѣной и сияніе свѣжестію красокъ лки святыхъ. Такого рода знаменія увидѣли глубокой и прочной поддержкой. Для верующихъ въ изътяжкомъ пути и подкрѣпленіемъ силъ духовныхъ въ часъ испытанія.

Столкновение съ жидовско-анимистическ. силой направилъ умъ болшихъ верующихъ массъ въ сторону космологии, ожиданія конца міра. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія сдѣланы изумительныя. Съ этимъ теченіемъ ума я очень близко сталкивался и самъ поработалъ. Бесѣды со многими простыми и учеными верующими, направленныя надъ дѣйствительностью, чтеніе духовной и библейской литературы довело и меня до сознанія мирового значения воочию являющейся антихристовой силы. Но и на скандалѣ къ проповѣди близкаго конца міра, хотя именно эта идея имѣетъ естественно болшое распространеніе въ средѣ верующихъ въ Россіи.

У народа есть всегдашнее ожиданіе скорого паденія власти и надежда, что при первой же войнѣ совѣтская власть падетъ. Есть всегдашнее желаніе и ожиданіе войны, какъ момента освобожденія отъ большевизма. Но въ этомъ народъ все разочаровывается и временами приходитъ въ уныніе и отъ унынія тѣмъ болѣе склоненъ думать о послѣднихъ временахъ. Народъ начинаетъ вѣрить временамъ въ безсиліе всякой борьбы противъ большевиковъ. Въ безсиліи эмиграціи онъ совершенно убѣжденъ и слышитъ глухо, что эмиграція бѣдна и сама кое-какъ живетъ. Церковное общество знало только и высоко ставило авторитетъ покойнаго Блаженнѣйшаго Митрополита Антонія. Изъѣдка соя печать упоминала о немъ со злобой, какъ объ агитаторѣ противъ большевицкой власти за границей. Духовные отцы говорили: — "этотъ не выдаться" и всегда выражали уверенность, что церковное управление, руководимое вл. Антоніемъ, будетъ идти вернымъ путемъ. Иронію и смѣхъ всего епископата и духовенства порабожденной Россіи, безъ всякаго исключенія, вызвали отклики заграничныхъ епископовъ на предложеніе м. Сергія подчиниться ему и оказать лояльность Совѣтской власти. Всѣ поразились тому, что нашлись за границей люди, не понимающіе положенія м. Сергія, не знающіе подъ чью диктовку и какимъ насиліемъ исторгаются отъ него такого рода обращенія. Я видѣлъ большую и самую значительную часть російскаго епи-

скопата, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Соловкахъ и въ другихъ мѣстахъ заключенія и ссылки и могу засвидѣтельствовать, взирая и на будущее оправданіе моихъ свидѣтельствъ, что недоумѣніемъ и осужденіемъ всѣ поголовно отвѣчали на шагъ этихъ епископовъ. Нашего первоіерарха Вл. м. Анастасія знаетъ въ Россіи весь епископатъ и множество церковныхъ людей и глубоко почитаютъ его.

Кто причинилъ такъ много зла Россіи, кто прѣдлагаетъ до нынѣ ее убивать и нравственно развращать? Большевицкая власть, понятно, но и больше того — самая та теорія и идеология, которою руководится въ своемъ управленіи большевицкая власть. Предательство, доносъ, чудовищная жестокость къ человѣку, обезличиваніе, уничтоженіе всѣхъ святынь и понятія всякой святыни на землѣ, безбожіе, все это — необходимѣйшіе стержни самой большевицкой системы, безъ которыхъ совершенно немыслимы ни революція, ни социалистическая система хозяйства и управленія. Социальная революція не можетъ знать и не знаетъ другихъ методовъ, не имѣетъ иной теоріи, кромѣ насилія и всѣхъ формъ того, что мы почитаемъ величайшимъ нравственнымъ зломъ и гибелью для людей. Для указанія причинъ нашего народнаго горя нужно подчеркнуть это положеніе, ибо намъ предстоитъ бороться съ этой идеологіей и системой, которая получила свое вліяніе въ настоящее время исключительно почти потому, что приобрѣла званіе научной, а научное въ наше время звучитъ, какъ непогрѣшимое, не подлежащее почти критикѣ и опроверженію. Такъ называемый научный социализмъ — эта причина страданій нашего народа, — внесъ въ человѣческія отношенія систему культурныхъ огородовъ, гдѣ запросто выпалываются сорныя травы, то-есть уничтожаются одни люди и культивируются другіе и превратилъ цѣлую страну въ „научную“ лабораторію, гдѣ для оправданія теоріи социализма люди превращены въ кроликовъ, надъ которыми совершаются будто-бы полезныя для рода человѣческаго опыты.

Дѣлая практическія выводы изъ нашего доклада о духовномъ состояніи подсовѣтскаго народа, мы прежде всего указываемъ на необходимость серьезной критики марксизма и снятія съ его социализма покрову научности и разсѣянія того дурмана, который отуманилъ головы не только многихъ подсовѣтскихъ людей, на которыхъ опирается безумная власть, но и миллионы другихъ людей всего міра, обольщенныхъ этой теоріей и не обращающихъ вниманія на самую жизнь, которая кажется, уже нанесла ударъ этой теоріи.

Но критика социализма недостаточна, нужно положительное ученіе объ устройствѣ общества и государства, какъ новый идеалъ, который надо противопоставить социализму въ болѣе обоснованномъ видѣ, чѣмъ онъ. Изъ нашего доклада,

кажется ясно, что единственной силой фактически противостоящей съ успѣхомъ большевицкому въ Россіи, является христіанство и только оно одно жизненно и удовлетворяетъ запросы человѣка. А потому, построеніе положительной программы не мыслимо безъ христіанства, какъ единственно возрождающей и восстанавливающей наше Отечество силы.

Мы, христіане, да еще отвѣтственные христіане, какъ члены Собора, и къ русскіе православные христіане, которые пережили величайшія потрясенія мірового значенія, не можемъ пройти мимо вопросовъ, которыми такъ взволновано нынѣ человѣчество.

Наша подсовѣтская несчастная Россія исповѣдуетъ себя нынѣ социалистическимъ царствомъ и противопоставляетъ себя міру буржуазно-капиталистическому.

Эти два міра — социалистическій и буржуазно-капиталистическій мы можемъ наблюдать именно какъ христіане. У насъ найдется слово для обоихъ. „Кто меня поставилъ судить или дѣлать васъ“ — говоритъ Господь двумъ братьямъ, спорящимъ объ имѣніи, при чемъ одинъ изъ нихъ имущій и обидѣвшій неимущаго, а другой, неимущій и жаждущій имущества. На современномъ языкѣ это — буржуа и пролетарій, два брата, спорящіе объ имѣніи и имѣющіе совершенно одну душу. И въ силу этого Господь надъ обоими произвелъ одинъ судъ: „смотрите берегитесь любостыжанія: жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“.

Такимъ образомъ, Евангеліе какъ всегда, на протяженіи всей исторіи своей эры, ориентируетъ насъ въ моментъ, даетъ намъ абсолютно точныя характеристики и опредѣляетъ нашъ путь.

Душа буржуазно-капиталистическаго міра, или буржуа и капиталиста — нажива, алчность къ матеріальнымъ благамъ и жажда власти надъ ними, накопленіе во что-бы то ни стало. А потому капиталисты одной страны, конкурируя между собою, конкурируютъ и съ капиталистами и другихъ странъ и не могутъ быть въ мирѣ между собою: они ищутъ новые рынки сбыта и источники сырья и ради этого преодолѣваютъ границы странъ, захватываютъ новыя области, поглощаютъ націи, устраиваютъ войны. Они безпощадны въ своихъ дѣлахъ наживы и въ отношеніи и къ меньшему брату, работающему у нихъ, а потому въ капиталистическомъ мірѣ бросаются въ глаза контрасты: роскошь, богатство, процвѣтаніе наукъ, искусствъ и всѣ блага культуры и цивилизаціи на одной сторонѣ и нищета, убожество матеріальное и духовное, дикое невѣжество — на другой (впрочемъ, такой яркій контрастъ въ цивилизованныхъ странахъ слишкомъ медленно, но постепенно изживается. Это необходимо признать).

Однако, меньшей и обиженный братъ не только неравнодушенъ къ богатству богатыхъ и благамъ міра сего, но преисполненъ ихъ жаждою, въ настоящее время, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ буржуа и капиталистъ. Алчность пролетарія направлена страшными разрушительными силами — зависти къ богатству и ненависти къ обладателямъ богатства, а невѣжество, дикость, духовное убожество его заставляютъ содрогаться при мысли о возможности его господства. Впрочемъ, намъ это господство уже извѣстно: облики братоубійцы Каина, торжествующаго безстыднаго Хама, предателя и продажнаго корыстолюбца Иуды мы наблюдали въ совершенно осязательной формѣ въ пламени нашей революціи.

Какъ видимъ, два брата съ одной душой, одинаково алчной и жестокой, развращенной и преступной, стоятъ нынѣ обнаженными въ своемъ духовномъ безобразіи предъ судомъ христіанства. Разсмотрѣть подробно картину преступлений и бездонной порочности современнаго человѣчества безъ унынія и отчаянія можетъ только христіанинъ. И при яркомъ свѣтѣ истины Христовой и при знаніи ея исцѣляющей силы только христіанинъ и можетъ внести порядокъ въ міръ и спасеніе.

Противоположность христіанства и социализма извѣстна всѣмъ.

Въ социализмъ вмѣсто духа — матерія, вмѣсто Христа-Спасителя — пролетаріатъ, спаситель человѣчества, вмѣсто Бога — разумъ человѣческой и разумное плановое хозяйство, вмѣсто Евангелія — марксистская теорія, почитаемая абсолютно святой и непогрѣшимой, вмѣсто рая небснаго — рай земной, вмѣсто Церкви вселенской — интернаціональ, всемірное объединеніе пролетаріата, вмѣсто грѣха, причины всѣхъ золъ — частная собственность, вмѣсто первенства личности и ея преобразования духовнаго и нравственнаго — преобразования общественныя и реформы внѣшнія, вмѣсто мира и любви между людьми — классовая вражда и ненависть. Отношенія христіанства и социализма самъ марксизмъ опредѣляетъ, какъ отношенія огня и воды.

Но вѣдь социализмъ образовался на почвѣ капитализма и явился только продолженіемъ его тенденціи, почему самъ социализмъ сталъ считать себя „научнымъ“.

Капитализмъ постепеннымъ своимъ развитіемъ лишилъ частной собственности многихъ и сосредоточилъ ее въ немногихъ рукахъ; социализмъ насильственно лишилъ ее всѣхъ. Капитализмъ, давъ свободу религіозной и вообще духовной культурѣ, совершилъ свой матеріалистической путь совершенно независимо отъ нея и даже въ противоположность ей. Социализмъ въ силу того же матеріализма и своей послѣдовательности объявилъ религію и всю духовную культуру надстройкой, мало стоящимъ придаткомъ на экономическомъ базисѣ.

Капитализмъ разрушаетъ экономически и технически перегородки между націями, странами и государствами; социализмъ на этомъ основаніи объявляетъ интернаціональ. Капитализмъ амораленъ въ средствахъ, въ политикѣ, въ международныхъ отношеніяхъ; социализмъ считаетъ моральнымъ все, что служитъ на пользу пролетаріату, то есть оправдываетъ любое преступленіе для достиженія своихъ цѣлей.

Капитализмъ — самъ практически безбоженъ, оставилъ религію въ удѣлъ меньшей братіи, далъ свободу вмѣстѣ съ наукой и атеизму. Социализмъ объявилъ атеизмъ своей религіей. Капитализмъ цѣлью своего прогресса ставитъ свое благо внѣшняго дня и не считается ни съ чѣмъ настоящимъ благомъ, но блага всѣхъ требуетъ въ жертву себѣ. Социализмъ приноситъ въ жертву всѣ блага настоящихъ поколѣній въ жертву какому-то будущаго поколѣнія, которое по его мечтѣ будетъ счастливымъ. Такимъ образомъ, когда капитализмъ создаетъ адъ на землѣ для многихъ, социализмъ создаетъ его для всѣхъ. Капитализмъ даетъ частичную и часто фиктивную свободу людямъ въ выборѣ труда и въ достиженіи улучшенія своего положенія. Социализмъ совершенно уничтожаетъ этотъ остатокъ свободы и распоряжается человекомъ, какъ бездушнымъ клавишемъ въ инструментѣ. Такимъ образомъ социализмъ есть всего лишь государственный капитализмъ и предѣльное завершеніе всѣхъ худшихъ сторонъ капиталистической системы. Социализмъ считаетъ себя неизбѣжнымъ и полагаетъ, что дальше его идти некуда. И онъ правъ. Зло должно развиваться до конца, дойти до своего предѣла, завершиться.

Но для того, чтобы наступила новая эпоха самъ социализмъ впаль въ такія внутреннія противорѣчія, которыя съ очевидностью указываютъ на необходимость прихода этой эпохи. Достаточно указать на насильственное уничтоженіе частной собственности, которое пренебрегло совершенно добровольностью и жертвенностью дѣйствій человека. Но жизнь въ коллективѣ, въ условіяхъ лишенія частной собственности, потребовала жертвенности, безкорыстія, честности, воздержанія, послушанія, скромности, то есть, всѣхъ свойствъ добровольнаго отреченія отъ частной собственности. Но такъ какъ таковыхъ свойствъ не могло оказаться и они были пренебрежены въ человекѣ, то явились безконечное вредительство, воровство, взаимная слѣжка, предательство и новыя формы дикаго насилія.

Нѣтъ возможности въ нашемъ докладѣ подробно анализировать другихъ факторовъ, выдвинутыхъ нашимъ временемъ, съ совершенной очевидностью утверждающихъ необходимость наступленія эпохи духовной, нравственной христіанской. Долгое и преступное пренебреженіе духовно-нравствен-

нимъ началомъ принесло міру ужасающіе результаты. Мы съ необходимостью приходимъ къ новому утверждению всеобщаго и всесторонняго значенія христіанскаго міровоззрѣнія, къ новому духовному пониманію исторіи. вмѣсто материалистическаго и всякаго другого, къ опорѣ на новый человѣческій составъ міра, не на буржуа и не на пролетаріевъ и ни на кого другого, а на христіанъ. Христіане и только они могутъ снова построить общество, которое уже было у нихъ на зарѣ ихъ исторіи и которое не встрѣчается больше ни въ какой исторіи. Объ ихъ обществѣ сказано такъ: „и не было между ними никого нуждающагося“. Чуткость, отзывчивость, развитое христіанское сердце, расширенное понятіе грѣха въ грядущемъ христіанскомъ обществѣ не допустить матеріальной нужды во всѣхъ видахъ стѣсненія для духовно-нравственнаго развитія человѣка. Такое христіанское общество мы найдемъ въ нашей Православной Христовой Руси. Тамъ готовая база для новаго переустройства міра. Тамъ людямъ нечего уже больше терять, кромѣ своихъ цѣпей большевизма, а готовы они будутъ во всякое доброе дѣло и никакой жертвой ихъ уже больше не запугаешь. На фонѣ сятаго Православія происходятъ величайшія событія и нигдѣ больше, какъ только въ немъ, въ его жизни мы найдемъ рѣшенія гругихъ вопросовъ современности. И странно наблюдать, что борющіеся съ большевизмомъ могутъ обходить христіанство въ своихъ программахъ, тогда когда какъ самъ большевизмъ постоянно указываетъ на этого своего главнаго врага.

Для христіанъ проповѣдь спасенія во Христѣ — естественное дѣло. Намъ жаль людей и ихъ гибели и какова бы ни была удача проповѣди, это — наша необходимая обязанность и „горе намъ, если не благовѣствуемъ“. Будетъ или не будетъ новая, духовная эра въ жизни человѣчества, но иной проповѣди, какъ только о ней, единственно для всѣхъ спасительной, мы не можемъ предложить. Эготъ нашъ путь неизбѣженъ для насъ, какъ и необходимъ для міра. Иного выхода нѣтъ и для міра, какъ только принять христіанство, чтобы выйти ему, наконецъ, изъ его самоубійственныхъ противорѣчій. Человѣчество должно начать въ своей жизни новую эру духовной высшей культуры, должно сознать необходимость идти навстрѣчу волѣ Божіей, и всю внѣшнюю культуру принести на служеніе Богу, чтобы исполнилось слово пророка: „въ то время даже на конскихъ уборахъ будетъ напечатано: святыня Господу“ (Зах. 14, 20).

За Христа, за христіанство, за христіанскую власть, за христіанское хозяйство и общественную жизнь, за христіанскій народъ и за христіанское государство, за христіанскія международныя отношенія, войтъ за чѣло слѣдующей борюшья, шрудийся и полагайть свою жизнь. И это путь

вѣрный, единственно истинный и своевременно выдвигаемый, и единственно спасительный при современной обстановкѣ, при поднятіи боготорныхъ и разрушительныхъ, разлагающихъ міръ силъ. Мы этимъ силамъ только и можемъ противопоставить христіанство, какъ силу дѣйствительную, идеологически цѣльную, выдержавшую испытанія, способную къ борьбѣ, насъ воодушевляющую и стоящую нашей совершенной преданности до любого страданія и самой смерти. Есть за что трудиться и за что умирать. Это — цѣнность, превосходящая всѣ цѣнности міра, самой личной жизни нашей, которая имѣетъ смыслъ только въ принесеніи себя въ жертву этой цѣнности, царству Божію. Но намъ самимъ нужно перевоспитаніе и новое самовоспитаніе.

Такъ какъ въ совѣтской Россіи обезцѣнена человѣческая жизнь и терроръ коснулся уже всѣхъ безъ исключенія слоевъ государства и самой правящей партіи, человѣческая личность пренебрежена и унижена, и страданій и различныхъ ранъ нанесено неисчислимо много, то русской эмиграціи нужно считать своимъ призваніемъ и готовиться къ тому, чтобы явиться въ Россію съ леченіемъ этихъ ранъ, и исцѣлить страданіе, оказать уваженіе и бережливость къ каждой человѣческой жизни и личности, какъ бы она не оказалась безначальной, прекратить потоки крови, заглушить месть и принести миръ, прощеніе, любовь, довѣріе и свободу — подлинную радость.

Для изученія идеала христіанскаго отечества и борьбы за него въ столкновеніи съ большевизмскимъ социализмомъ, для нравственнаго самовоспитанія въ новомъ духѣ ради своего отечества, для духовнаго самообразованія въ цѣляхъ духовнаго просвѣщенія своихъ соотечественниковъ нужно создать объединеніе — союзъ или братство русскихъ людей за границей и много поработать, чтобы получить отъ Господа милость вернуться на Родину.

Совершенно очевидно, что предъ лицомъ врага, отняшаго отъ насъ дорогую нашу Родину, намъ нужно наше объединеніе между собою около единой общей идеи, насъ воодушевляющей, нами путеводящей. Въ этомъ нашъ единый духъ, наша цѣльность. Таковой идеаль нами усмотрѣнъ въ нашемъ новомъ христіанскомъ православномъ отечествѣ. Но въ Братствѣ Святой Христовой Руси мы должны быть организованы около этой идеи и для того, чтобы въ должный моментъ мы могли громко, однимъ голосомъ сказать, какую Россію мы хотимъ имѣть, и, если потребуется, ради этого и дѣйствовать. Въдрять въ партійные и безпартійные круги русской эмиграціи на мѣстахъ идею — какую Русь они должны желать — первѣйшая обязанность пастыря и каждаго христіанина. И мы увѣрены, что Братство Святой Христовой

Руси выполнить эту первѣйшую нашу задачу — организацию всей эмиграции около идеи Христовой Руси.

Мы имѣемъ воодушевляющій насъ идеаль, высоко его надъ собою поднимаемъ и къ нему призываемъ всѣхъ и вездѣ. И самая святость его — порука тому, что Богъ намъ будетъ помощникомъ. Только осознанія этой единственной нашей цѣли Господь отъ насъ ждетъ. Она Богу угодна.

Итакъ, мы знаемъ, чего мы хотимъ, знаемъ во имя чего боремся и за что рады жизнь свою положить со спокойной совѣстью предъ Богомъ.

Намъ нуженъ живой объединяющій центръ, путеводитель и руководитель въ нашемъ дѣлѣ построения Святой Православной Христовой Руси. Самая задача наша указываетъ, что этотъ центръ можетъ быть только православно-христианскимъ церковнымъ. И это есть центръ, которому мы поручены самимъ Богомъ съ момента основанія Церкви Христовой на землѣ — наша православная иерархія, связуемое союзомъ любви святое апостольское братство нашихъ епископовъ. Этотъ нашъ центръ, центръ церковно-народный, фактически для всей эмиграции существуетъ съ самаго начала эмиграции. У эмиграции въ ея положеніи могъ быть центръ только духовно-нравственный, поддерживающій ее въ ея основной и единственной задачѣ — въ борьбѣ за Родину. И тамъ, въ подсобѣтской церковной Россіи представляютъ себѣ только одинъ вѣрный зарубежный національный центръ, который отъ начала до конца опредѣленъ въ своей борьбѣ съ большевизмомъ, никогда не колебался въ этомъ направленіи, не давалъ обѣщаній лояльности къ безбожной власти. Это — Архіерейскій Соборъ и Синодъ, возглавляемый прежде Митрополитомъ Антоніемъ, а нынѣ Митрополитомъ Анастасіемъ. Этотъ Соборъ епископовъ выдержалъ исключительно тяжелую борьбу за свою церковную независимость, на которую посягали не только та или иная автокефальная Православная Церковь, но и свои же нѣкоторые отдѣльные епископы, усумнившіеся въ необходимости этой независимости. А независимость эта необходима, потому что у русской заграничной Церкви, у ея духовенства и народа есть свои собственныя русскія современныя національныя задачи, въ которыхъ имъ ни одна самая любящая и доброжелательная автокефальная Православная Церковь не поможетъ, не вдохновитъ ихъ и не поддержитъ въ такой мѣрѣ, какъ нашъ собственный церковный центръ и нашъ собственный духовный глава. И для нихъ и для насъ удобнѣе наша независимость, какъ и необходима она и для страдающей Россійской Церкви, все еще находящейся на избавленіе. Намъ не приходится выдумывать новаго центра объединенія и искусственно около него устраивать это объединеніе. У насъ есть центръ естественный, давнишній, дѣйствительно выполня-

ющій свои цѣли, авторитетный и высокій, идейный и практической, опирающійся на русское разсѣяніе во всѣхъ концахъ міра. Остается только осознать его значеніе, уже существующее, оцѣнить, начать имъ дорожить, сосредоточить на немъ внимание, усилить всемирно его авторитетъ, помогать ему всѣмъ, что онъ, этотъ центръ, отъ насъ потребуетъ. Поступить иначе, это значитъ уничтожить предшествующую нашу исторію, трудъ и борьбу. Центръ живой у насъ есть имя его уже достаточно ярко выявлено и всѣмъ извѣстно, твердость его для насъ непоколебима, путь его вѣренъ и испытанъ.

Что мы можемъ сдѣлать для нашихъ братьевъ, подвигомъ безбожной власти томимыхъ? Мы такъ желаемъ имъ подкрѣпленія и силъ въ несеніи ими ихъ подвига. А тамъ, всегда имъ, бѣднымъ, кажется, что они забыты цѣлымъ міромъ, и никому до нихъ дѣла нѣтъ. Молитвы свои мы за нихъ приносимъ и будемъ приносить. Но можетъ быть Соборъ найдетъ нужнымъ и сказать имъ объ этомъ, сказать о томъ, что мы молимся о нихъ, что скорбимъ ихъ скорбью, съ болью сердца переживаемъ ихъ великія потери, что видимъ ихъ слезы, что поклоняемся памяти ихъ святыхъ мучениковъ, состраждемъ имъ во всемъ, никогда ихъ не забываемъ и не забудемъ и ждемъ часа, когда онъ поззоветъ насъ на дѣло спасенія и избавленія ихъ отъ ужаснаго ига. Авторитетный голосъ Собора всего русскаго зарубежья будетъ ими услышанъ.

Да дастъ благодать Божія нашему Собору чуткость въ сознаніи задачъ момента, безошибочное распознаніе его нуждъ и слово авторитетнаго рѣшенія и воодушевленія для всего русскаго зарубежья.

Настоятель Русскаго Православнаго
Прихода въ Лондонѣ

Протоіерей Михаилъ Польскій.